

Богословские труды, сб. 23, М., 1982, стр. 154—199; сб. 24, М., 1983, стр. 139—170.

К 300-летию со дня кончины Патриарха Никона

ПРОТОИЕРЕЙ ЛЕВ ЛЕБЕДЕВ

НАЧАЛО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

*«Горних ища, рода земна весьма отречеса.
Братства Анзер при мори монахом почтеса,
Един в Кожезерской немало пустыни,
От печалей удален живяше во святыни».*
(Эпитафия Никону)¹

«В лето от мироздания 7113 (1605) в месяце мае в пределах Нижняго Новаграда, в веси нарицаемой Велдемановой, родися он, Святейший Патриарх, от простых, но от благочестивых родителей... и наречено ему имя Никита, по имени преподобного Никиты Переяславского чудотворца, егоже Святая Церковь прославляет мая в 24 день». Так начинается «Известие о рождении и о воспитании и о житии...» Патриарха Никона, написанное его преданным клириком иподиаконом Иоанном Шушериным². Это единственный источник, который сообщает о самом раннем, начальном периоде жизни великого святителя. В скупых непритязательных строках содержится то, что в свое время, по-видимому, сам Патриарх рассказывал окружающим о своем детстве и юности и что много лет спустя записал Шушерин.

Мать Никиты Мария умерла, когда мальчик был совсем маленьким. Отец его, крестьянин Мина, женился второй раз, и «мачеха его зело к оному Никите бысть зла». Она избивала пасынка, морила его голодом и холодом. Однажды он решился сам взять в погребе что-нибудь поесть и был наказан ею таким ударом в спину, что, рухнув в глубокий погреб, «едва тамо не лишился духа жизни». Как-то Никита, спасаясь от холода, залез в погасшую, но еще теплую русскую печь и, пригревшись, уснул там. Мачеха увидела его в печи, тихо заложила дровами и зажгла их... Крики мальчика, проснувшегося в дыму и огне, услышала его бабушка,

¹ Эпиграфами в настоящем очерке служат строки из стихов XVII в., вырезанных на камне в Новоерусалимском монастыре.

выбросила дрова из печи и спасла внука. В другой раз мачеха начинила пищу мышьяком и с необычайной ласковостью предложила Никите поесть. Всегда голодный ребенок набросился на еду, но, ощутив жжение в гортани, оставил пищу и стал жадно пить воду, это и спасло его от верной гибели. Возвращаясь с тяжелых сельских работ, Мина часто заставлял сына избитым до крови, голодным, продрогшим. Усмирить жену он не мог, и видеть сына в таком состоянии было тяжело.

Тогда, как пишет Шушерин, «по желанию Никитину, паче же по Божию смотрению, отец вваде его научению грамоте Божественного Писания». Никита неожиданно проявил большие способности, старание и быстро научился «святых книг прочитанию». Окончив начальное обучение, он вернулся домой, стал, помогать отцу по хозяйству, но скоро заметил, что забывает изученное. Тогда он решился оставить дом, отца, хозяйство и тайком бежать в монастырь «ради научения Божественного Писания». И бежал в Макарьев Желтоводский монастырь близ Нижнего Новгорода, где стал послушником...

Там обнаружилось одно из важнейших свойств души будущего Патриарха: Божественные истины бытия, постигаемые через духовные знания и подвижническую жизнь, явились тем сокровищем, к которому паче всего устремилось его сердце (Мф. 6, 21). Интересно отметить, что это стремление ускоряется в своем проявлении тяжелыми страданиями от жестокости в детстве. Злоба человеческая оказала и еще одно важное влияние на характер будущего святителя: она заставила Никиту более всего ценить в отношениях с близкими людьми противоположные качества — искреннюю любовь, подлинную и верную дружбу. Он действительно, как показывает его дальнейшая жизнь, более всего ценил именно это, причем настолько, что никаких иных отношений вообще не признавал.

В монастыре послушнику Никите назначили клиросное послушание. Не оставлял он и «непрестанного прилежания» к чтению Божественного Писания. После пережитого дома строгая монастырская жизнь не казалась ему тяжелой, и он охотно прилагал труды к трудам. «Видя своя детская лета, в них же обыкл есть сон крепок быти», Никита в летнее время ложился спать на колокольне у благовестного колокола, чтобы не проспять начала раннего богослужения. В нем начал пробуждаться истинный

подвижник, хотя монашеского пострига он еще не принял.

В это время с ним случились два странных происшествия. Об одном из них повествуется в «Житии Илариона, митрополита Суздальского»³, о другом — в этом же Житии и в «Известии» Шушерина.

Неподалеку от монастыря, в селе Кириково, жил некий учительный и благочестивый священник Анания, к которому Никита любил ходить для духовных бесед и наставлений. Однажды он попросил о. Ананию подарить ему рясу. Тот ответил: «Юноша избранный, не прогневайся на меня; ты по благодати Духа Святаго будешь носить рясы лучше этой; будешь ты в великом чине Патриархом». В другой раз Никита со сверстниками-послушниками попал в дом некоего гадателя-мордвина (по Шушерину — татарина), и, гадая о Никите, тот в сильном волнении объявил: «Царь будешь или Патриарх» (по Шушерину — «будешь Государь великий Царству Российскому»). Такие предсказания должны были бы сильно возбудить тщеславные мечты у одаренного юноши, уже вступившего на путь иночества, но он не был подвержен любоначалию. Произошло обратное: он не придал им никакого значения. И обнаружилось это в событии неожиданном, резко нарушившем такое, казалось бы, определившееся течение жизни.

Обманом вызванный из монастыря в родное село, Никита пережил смерть отца и любимой бабушки и, поддавшись «от сродник многих советом и прошением», женился... Женильба не пресекла духовного подвига Никиты. Стремление к Царству Божию по-прежнему осталось главным для него, так что и женатый он не мог жить вне храма и богослужения. Сначала Никита становится псаломщиком в одном из сёл в родных местах, а затем — священником в этом же приходе.

Скоро он с семьей переселяется в Москву. Историки — митрополит Макарий (Булгаков) и С. М. Соловьев пишут, что о. Никиту как незаурядного священника заметили столичные купцы и взяли с собой в Москву. Но Шушерин ничего не говорит об этих купцах, зато сообщает, что в Москве у Никиты были родственники⁴. Не кажется безосновательным предположение, что в Москву Никиту потянуло всё то же желание углубления и совершенства духовных знаний и опыта. В этом отношении столица, конечно, давала одаренному священнику очень большие возможности. И если судить по времени пребывания в Москве (не

менее семи лет, а то и более) — он в полной мере ими воспользовался. Но в то же время Москва-столица открывала с особой отчетливостью и все соблазны и пороки мира сего. Здесь окончательно решался для Никиты вопрос о его отношении к миру, определялся дальнейший жизненный путь. Священник Никита сделал твердый выбор: «зря мира сего суету и непостоянство», он решил навсегда оставить мир. Этому способствовали и семейные обстоятельства. За десять лет совместной жизни супруги имели троих детей, но они умерли один за другим в младенческом возрасте. Казалось, что отнятием детей Господь не благословляет их супружество. Возможно, вспомнилось, что женитьба Никиты произошла как бы в нарушение того сердечного обета о монашестве, который он носил в себе, когда был послушником. Однако, с промыслительной точки зрения, семейная жизнь не была для будущего Патриарха случайностью. Она дала ему возможность всесторонне изучить жизнь и нравы современного общества, познать действительное положение людей. Много лет спустя Павел Алеппский напишет о том, что Патриарх Никон потому так хорошо разбирается в государственных и мирских делах, что сам был женат и жил мирской жизнью.

Никита стал уговаривать жену принять монашество. С Божией помощью это удалось, и она, «восхотев Богу паче, нежели миру работати», ушла в московский Алексеевский девичий монастырь⁵, а о. Никита, «желая ко спасению обрести путь удобный», отправился на край света — на Белое море, в Анзерский скит Соловецкого монастыря.

Если бы действительным стремлением души о. Никиты было не духовное восхождение к Богу, а, скажем, продвижение по иерархической лестнице, он не ушел бы к Полярному кругу, а постригся в монашество скорей всего в столице... Отметим эту исключительную цельность натуры подвижника в его стремлении к Горнему миру: она многое объяснит в последующей жизни Патриарха.

Отцу Никите был примерно тридцать один год, когда в Анзерском скиту он принял монашеский постриг от преподобного Елеазара († 1656; память 13 января), получив имя Никон, в честь преподобномученика Никона епископа (память 23 марта). Началась его новая жизнь. Анзерский скит расположен на небольшом острове Белого моря, в 20-ти верстах от Соловецкого монастыря.

Скудная растительность, очень короткое лето, лютые холода зимой, полярная ночь, бесконечное море, ветры и волны... Правило монашеского жития было очень строгим. Келлии иноков располагались на расстоянии двух поприщ (трех километров) одна от другой и на таком же расстоянии от соборной церкви. В каждой келлии жил только один монах. Братия не виделись друг с другом целую неделю, сходились в субботний вечер в церковь, служили вечерню, повечерие, утреню, стихословили все 20 кафизм, после 10-ти кафизм читали толковое воскресное Евангелие и так проводили в непрерывном бдении всю ночь до утра. С началом дня они, не расходясь, служили литургию, а потом прощались, давая друг другу братское целование, прося молитв, и возвращались в келлии в полное одиночество снова на всю седмицу. Пищей монахов была в основном мука, в небольшом количестве жертвуемая из государственных запасов, случайная милостыня рыболовов и те немногие овощи и ягоды, которые успевали вырасти летом на острове.

С благословения старца Елеазара иеромонах Никон предался особым подвигам поста, молитвы и воздержания. Помимо положенных молитвословий вечерни, утрени, кафизм, канонов, утренних и вечерних молитв, Никон в каждое «дненошество» прочитывал всю Псалтырь и совершал по тысяче земных поклонов с Молитвой Иисусовой, до крайности сокращая время сна. Притом он нес иерейское послушание в церкви скита. В этих условиях Никону пришлось лицом к лицу столкнуться с тем, с чем сталкивались все истинные аскеты и подвижники благочестия. Духовные подвиги его оказались нестерпимы для врага человеческого спасения и выманили демонские силы на открытое сопротивление. Как повествует Шушерин, когда Никон решался отдохнуть немного от трудов своих, «тогда абие нечистии дуси приходяще к нему в келлию, его давяху и иныя пакости и страшилища многообразными своими мечты даяху, и, от труда ему почити не даяху». Страдая от таких напастей, Никон стал читать еще и молитвы от обуревания злыми духами и каждый день совершать водоосвящение, окропляя святой водой свою келлию. Напасти прекратились. Но главное, — Никон вышел победителем в борьбе со страхом перед силами зла. Так в трудах, подвигах, молчании и молитвенном общении с Богом прошло почти три года.

Однажды старец Елеазар собрался в Москву за милостыней на

постройку каменной церкви в ските и взял с собой иеромонаха Никона, на которого, следовательно, особенно полагался. Никон оправдал доверие преподобного. Они побывали в Москве у «многих благородных и благочестивых» людей, били челом самому государю Михаилу Федоровичу и, собрав около пятисот рублей (по тем временам сумма, достаточная для постройки храма), вернулись в Анзер.

Но здесь Никона подстерегало неожиданное искушение. Из самых благих побуждений (чтобы разбойники, узнав о деньгах, не перебили братию) Никон стал предлагать Елеазару или поскорее начать строительство, или отдать деньги на сохранение за надежные стены Соловецкого монастыря. Старцу эти предложения были не по душе, и он стал гневаться на Никона. Никон скорбел, старался достичь примирения, но не смог и решил покинуть скит. Трудно теперь в точности выяснить, что все-таки произошло. Невероятно, чтобы утверждающий себя в строгом иноческом послушании Никон дерзнул как-нибудь оскорбить старца, от которого принял постриг. Невероятно также, чтобы святой Елеазар всерьез возненавидел своего постриженника за доброе желание обезопасить обитель или не смог по-отечески простить ему даже грубость, если таковая и была допущена. Может быть, Елеазар, как наставник монахов, счел бесполезным для подвижника столь живой интерес к вещам, не касающимся его духовного подвига. Как бы там ни было, но Никон воспринял эту перемену отношения к себе настоятеля как пресечение прежней любви между ними и, после безуспешных попыток восстановить ее, решил уйти.

«Если нельзя быть в любви и согласии, то нельзя быть вместе вообще» — вот формула действий Никона. Сделавшись Патриархом, Никон немало благотворил преподобному Елеазару и Анзерскому скиту. Значит, он не таил обиды на старца.

Отправляясь в лодке на материк, Никон едва не утонул во время бури, дав обет построить монастырь на Кийском острове Онежской губы, куда лодку его прибило волнами, что впоследствии и исполнил.

С большими трудностями он затем добрался до Кожеозерской пустыни, где его приняли в число братии. Поначалу Никон служил в монастырской церкви, но скоро, «сжалившись о уединенном пустынном житии», умолил настоятеля и братию отпустить его на одинокий остров посреди озера, где и начал жить «чином

Анзерския пу'стыни». Помимо молитвенных подвигов, деланием Никона на этом острове была ловля рыбы для братии. Тем временем почил в Бозе престарелый игумен Кожеозерской обители. Братия, видевшие «от Бога одаренный разум» и «добродетельное житие» иеромонаха Никона, стали просить его быть им игуменом. Он отказался. Братия просили еще и еще, и Никон отказывался. И лишь «по многом отрицании», видя, что монахи не устают просить, он, не желая «презрети» «многаго их прилежнаго прошения», согласился. Во игумена Кожеозерской пустыни Никон был поставлен в Новгороде митрополитом Новгородским и Великолуцким Аффонием в 1643 г.⁶ Воротясь в обитель, он продолжал жить строго и просто, по-прежнему занимался рыбной ловлей и любил сам готовить рыбу и угощать ею братию. В 1646 г. монастырские нужды (скорее всего — сбор пожертвований) заставили его отправиться в Москву. Вряд ли он думал, что отправляется к вершинам своей славы и власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С этим в основном согласуются глубокие историографические суждения М. В. Зызыкина. См. его сочинение, ч. I, с. 6—7, 191—192.

² «Известие...» И. Шушерина было написано им после суда над Никоном, в период примерно с 1670 по 1687 г. Наряду с личными воспоминаниями автор использует подлинные исторические документы (письма Никона царю), воспоминания монахов, бывших вместе с Патриархом на суде. Некоторые места «Известия...» дают основания полагать, что Шушерин имел под рукой записки очевидца — кого-нибудь из сопровождавших Никона; так, при описании пути Патриарха в заточение (свидетелем которого Шушерин не был) встречается выражение «и стояхом (т. е. мы стояли) на оном месте два дни», с. 78. Всё это делает «Известие...» ценным источником. И хотя у автора имеются отдельные неточности и ошибки, всё же, в целом, как пишет в предисловии архимандрит Леонид, «нет ни малейшего подозрения относительно фактической стороны «Известия...»»

³ Житие Илариона, митрополита Суздальского. Казань, 1868, с. 19—20.

⁴ «Известие...», с. 8.

⁵ Митроп. *Макарий*. История., т. XI, с. 163.

⁶ Там же.